

Ночь опустилась на сад. Луна висела высоко и чистым светом, звёзды поредели. Вечерний бриз перебирал широкие листья средиземноморских растений; сгрудившись вокруг пышных ярких соцветий, они казались при лунном свете почти колдовскими.

Рослый мужчина не стал пользоваться ни туристической, ни служебной парковкой — а значит, обошёл все камеры с фиксированным углом обзора. Добрался на велосипеде по сельской дороге, потом долго карабкался вверх по травянистому склону и в конце концов бесшумно скользнул к ограждению королевского дворца.

Королевский дворец Казерты был закрыт уже неделю — с тех пор, как там произошло это дело. Внутреннее расследование, посторонних не пускают.

По мнению Чжан-цзуна, здесь давно пора было установить более современную систему видеонаблюдения, с полным охватом всех углов. Ну а охранники — так, форменный позор: торчат на солнышке целыми днями, слоняются без дела, а в критический момент прозевали убийцу. В любой роте народной вооружённой полиции у нас на родине такое разве было бы возможно?

Сейчас Чжан Шаочи щеголял в охранной форме красно-чёрной расцветки, а широкий козырёк фуражки укрывал от посторонних глаз пару острых, всё замечающих глаз. Итальянский силуэт — широкие плечи, тонкая талия — сидел на нём как влитой.

По слепку снял дубликаты ключей. Запомнил коды. Прокрался по скрытым коридорам, миновал инфракрасные датчики... и вот снова оказался в той самой туалетной комнате.

В той, где он однажды упустил Господина Цзяна.

На этот раз он пройдёт здесь снова, от и до. Будь что будет — он этому не поверит.

В прошлый раз торопился, переживал за Сяо Пэя — и прозевал. Теперь же механизм нашёлся без труда.

Он надел очки со светлыми тонированными линзами и чуть коснулся крохотной кнопки на дужке. Над оправой полыхнул горизонтальный луч — привычный ночной источник света, всегда под рукой.

Механизм оказался на удивление примитивным, что немного разозлило Чжан-цзуна. Грубый фокус, не более. В мужском туалете — складной столик для смены подгузников, которым отцы почти никогда не пользуются: отцы вообще с детьми не ходят. Откинуть крышку — и за ней откроется горизонтально вмонтированная узкая дверца.

В темноте Чжан Шаочи беззвучно выругался: ну ты и жук, старик.

Впервые в жизни Чжан-цзуну пришлось взобраться на пеленальный столик. Пришлось изрядно помучиться — протискивался боком, почти что лёжа, буквально вталкивая себя в щель. С такими природными данными — высокий, широкоплечий, ноги как у журавля — для подобных крысиных нырков совсем неудобно. Потянулся назад, изнутри откинул крышку обратно на место. Вот так, видимо, и исчез в тот день Босс Цзян.

Дворец, по слухам не уступавший Версалью, и вправду хранил свои сюрпризы. Тайные ходы — всё это причуды прежних архитекторов, мудрость давно ушедших поколений. Королям и аристократам они были необходимы: в смутные времена — чтобы уйти от кровавых переворотов и родовой мести, в мирные — чтобы тайком встречаться с любовницами и изменять жёнам. Красота.

Ход заканчивался на третьем этаже у двери закрытого, недоступного для публики кабинета. Вокруг — хлам и пыль.

Чжан Шаочи прильнул к дверному косяку. Пальцы в латексных перчатках осторожно скользили по поверхности, изучая едва заметные следы. Кода и отпечатков он не добыл, в кабинет-тайник не войти — но многое уже было ясно. Он достал миниатюрную камеру и снял несколько кадров на память.

Проходя по коридору, он обратил внимание на угол обзора: окно маленького кабинета смотрело прямо на дворцовый отель в задней части горы — тот самый, где они недавно останавливались. Напротив, в гостинице, находился номер, который Цзян Хань занимал несколько дней назад.

Чжан-цзун тихо выбрался наружу, переоделся — охранный костюм сменился обычной одеждой — и погнал машину обратно в больницу. Там его ждала неожиданная встреча.

На лестнице у служебного входа он поймал за плечо красавицу, которая на мягких подошвах, почти беззвучно крадущимся шагом поднималась по ступеням.

Не Янь, сжимавшая пакет с ночным перекусом для своего начальника, обернулась — и вздрогнула. Хуже всего, когда Босс Чжан вот так хватает тебя за плечо.

— Что такое? — произнёс Чжан-цзун с показной строгостью. — Не через парадный вход, а по задней лестнице, да ещё крадёшься?

— Я просто заодно проверяю, как тут устроена охрана... — Уголок губ Не Янь дрогнул. — Босс Чжан, а вы бы через парадный вход пришли — разве тогда нас встретили бы здесь?

Чжан Шаочи сохранял непроницаемое выражение лица — таким его и видели чужие люди. Не

вступая в споры, он бесцеремонно реквизировал пакет с едой:

— Я сам отнесу ему. Можешь идти.

— Но мне ещё нужно доложить обстановку!

— Тогда доложи мне. Заодно скажешь: за прошлый раз ты мне так и не оплатила такси. Когда рассчитаешься?

Рот Не Янь открылся буквой «О», аккуратная причёска словно пришла в движение от невидимого ветра: и этот скопидом, этот мелочный зануда — так, что ли, полжизни состояние копил?

Чжан Шаочи выставил руку, загораживая ей путь, и понизил голос. В глазах — лукавый блеск:

— Я всего лишь коммерсант. Но я человек разумный. Можем договориться по-другому.

— Чего вы хотите? — Не Янь побледнела и тут же прижалась к стене в боевой стойке. Господи, этот ловелас... нет, хуже — просто развратник...

— Хе-хе. — Чжан Шаочи окинул её насмешливым взглядом и белозубо улыбнулся.

Не Янь тоже усмехнулась. Ну и чего ей, в самом деле, бояться Чжан-цзуна? Куда страшнее её собственный командир. Она мысленно представила картину: вот они с Чжан-цзуном стоят так, почти вплотную, пикируются шёпотом — и тут это видит уксусная бочка-командир. Тот первым делом с неё шкуру спустит, а потом отвинтит выкрашенный подбородок.

— Ладно. — Чжан Шаочи стряхнул с себя шутливый вид, одёрнул воротник и манжеты. — Просто задам пару вопросов. Отвечай честно, не ври.

Не Янь, умница и тонкий человек, наперёд уже знала, о чём её спросят.

— Он... все эти годы, пока мы не были вместе... у него кто-то был?

— Эх, он... — Не Янь замаялась. — Командир — он такой человек. По-вашему, с кем он мог быть.

— Я тебя спрашиваю. Не уходи от ответа. — Чжан Шаочи был серьёзен, как никогда. — Пять лет. Другой парень? Или так, один-два раза с кем-нибудь?

Не Янь чуть помолчала и покачала головой:

— Не было. Я ни разу не видела его с кем-то другим из мужчин.

— А с женщинами?

Не Янь с гордостью ткнула пальцем в себя:

— Ну вот я, например. За мной тоже немало народу бегают.

Чжан Шаочи смотрел куда-то сквозь неё, перед глазами стояло: Сяо Пэй в ту ночь, наручники, сам не свой в его объятиях. Нижняя губа чуть шевельнулась:

— Ни с кем не спал? Всё время один?

Не Янь осторожно кивнула — раз, потом ещё дважды для верности, с нажимом, давая твёрдое слово. И вдруг почувствовала что-то похожее на жалость к этому боссу. Очень хотелось, чтобы он ей поверил. Безо всяких сомнений.

Они стояли совсем близко — она никогда так близко к нему не была. И вдруг в самой глубине зрачков Чжан Шаочи, в этом человеке, которого она знала таким, каким знала — она увидела что-то совсем неожиданное. Трепещущий влажный блеск. Радость.

Та самая радость и та самая сладкая, острая взволнованность — какая бывает только у двадцатидвухлетнего мальчишки, влюблённого впервые, когда любовь наконец отвечает взаимностью. Такое выражение глаз, думала Не Янь, у человека его лет и опыта она уже никогда не надеялась увидеть.

— Ладно. Долг за такси списан. Иди. — Чжан Шаочи великодушно махнул рукой и, душевно довольный, с пакетом в руке зашагал наверх.

День спустя командир Пэй наконец выписался.

Врачи, честно говоря, под давлением определённых лиц втайне предпочли бы поддержать пациента ещё — мало ли, вдруг осложнение, вдруг рецидив, а этот босс снова явится устраивать скандал. Но командир Пэй сам потребовал выписки:

— Палата слишком дорогая. Столько денег в день — не буду я здесь оставаться.

— Такие травмы — и лежи спокойно, долечивайся. — Чжан-цзун смотрел на него. — Я что ли с тебя деньги беру?

— Этот долг за лечение мне не осилить. — Пэй И сидел на краю кровати, зашнуровывал туфли.
— Моей зарплаты с надбавками с вами точно не сравниться.

Чжан-цзун смотрел на него и уже не собирался говорить глупостей вроде «брось тогда работу, я тебе пятикратный оклад дам». Молодость у людей своя, и у каждого — свои идеалы, своё призвание, свои способности. Он это понимал. Пусть многие молодые в конце концов и ломаются об эти идеалы, падают на тернистом пути к своей правде и своей славе...

— Ничего ты мне не должен. — Взгляд Чжан Шаочи потеплел — редкость для него. — Главное — вылечить эту твою ушибленную голову. Чтобы ты стал нормальным человеком.

— За все эти годы я получал травмы и похуже, не раз. — Пэй И окинул взглядом набитую передовым оборудованием палату: мониторы мозговой активности, диагностические приборы, широкая с подогревом массажная кровать, полный набор предметов быта, чайный сервиз, кофемашина и даже шкафчик с богатым ассортиментом закусок. Глаза он опустил. — Спасибо, Второй дядя, что так обо мне заботишься.

Эти слова резанули по сердцу. Чжан Шаочи потянулся и взял ладонями лицо Сяо Пэя — стиснул легонько, потрепал щёки.

Раньше ты получал такие травмы — а я и не знал.

Теперь знаю. Вижу. И разве я теперь могу оставить тебя одного зализывать раны?

Больше никогда.

Закат тонул за дальними крышами, медленно угасая, роняя остатки оранжевого. Небо темнело быстро.

В машине было тепло — не от климатической установки, а от двух пар лёгких, от двух сердцебиений, от тепла двух тел; воздух вокруг них казался живым.

Чжан-цзун сам сидел за рулём. Для одного человека на свете — только для него — он был готов водить без единого слова недовольства. Подчинённые командира Пэя ехали позади, в другой машине, жались в тридцати метрах — не слишком близко, но и не теряя из виду. Неловко, стеснённо.

В зеркало заднего вида Чжан Шаочи разглядел Не Янь за рулём той машины и парня на пассажирском сиденье — молодой, ничего, симпатичный. И что это они так беззастенчиво едут следом, вся компания?

— Это твой заместитель? Телохранитель? — Чжан-цзун кивнул в сторону зеркала. — Тот, что таращится на меня всю дорогу?

Пэй И расслабленно усмехнулся:

— Телохранители мне ни к чему. Это мой дальний огневой резерв. В операциях часто появляются снайперы противника — значит, нужен свой снайпер.

— Если я буду твоим дальним огневым резервом — этого не хватит?

— Второй дядя... — Пэй И покусил согнутый палец, глядя в окно, взгляд скользил по улице. — Его специально откомандировали из спецназа к нам в Шестой отдел. Лично ко мне.

— А ближний бой — это я. И этого мало? — Чжан Шаочи повернул голову, уставился на него в упор. — Его пушка лучше моей — или в постели у него калибр больше?

За окном тянулись вечерние фонари — мягкие, тёплые; в их свете скользили парочки, прижавшиеся друг к другу... Пэй И совершенно беспомощно засмеялся:

— Он не такой меткий стрелок, как вы. Наш А-Цзэ — ещё зелёный!

Машина нырнула в подземный паркинг отеля и резко вписалась в поворот, точно встав на самое дальнее место у стены. Заглохла.

Чжан Шаочи придвинулся к уху командира Пэя:

— Два года рядом с тобой — и он до сих пор зелёный?

Вызов был откровенный. Пэй И огрызнулся — с самой что ни на есть горькой интонацией:

— Пробовал было клеиться — да не глянулся ему!

— Хорошо, значит, парнишка. — Чжан Шаочи прищурился.

— Хорошо не хорошо — нынче ночью лягу с ним, сам и узнаю!

Ты посмей.

Вслух не вырвалось. Чжан Шаочи уже навалился — придавил только что выписанного из больницы командира Пэя к сиденью.

Прекрасно понимал: не удержит. Но мужская гордость и достоинство старшего — это не то, что можно уступить. Грудь в грудь, слишком близко, слои тонкой одежды в ощущениях

перестали существовать; локти и мышцы бёдер столкнулись в коротком сопротивлении, дыхание ударило в лицо друг другу.

Глаза у обоих сразу затуманились.

Чжан-цзун чуть отодвинулся — на несколько сантиметров — внимательно, аккуратно: не хотел давить на раненое левое плечо Сяо Пэя.

Именно этот крохотный жест — осторожный, бережный — и растопил последнее сопротивление. Тело, только что выгнувшееся навстречу, расслабилось и легло обратно. Вот уж всегда так — стоит чуть приласкать, и он сразу размягчается, сразу готов уступить. Сколько между ними разногласий, сколько трений? Да почти никаких.

— В тот день в королевском дворце я же говорил тебе: Босс Цзян ведёт себя странно. Вчера ночью я туда снова наведалься. — Чжан Шаочи полупридавил его к сиденью и, не повышая голоса, зашептал в ухо прямо здесь, в машине.

— Один пошёл? — В глазах Пэй И мелькнула тревога.

— Я обычный коммерсант — прекрасное прикрытие. Поймают — что они мне сделают. — Чжан Шаочи самодовольно усмехнулся. — Угадай, что я нашёл.

Командир Пэй уже заранее знал, что сейчас будет. Чжан Шаочи смотрел на него — зрачки чёрные, как у большой кошки, что затаилась в джунглях перед броском, — и молча потянулся расстегнуть ремень безопасности.

Потом застегнул снова. Но теперь ремень шёл поверх рук Пэй И, закинутых за спину, — два витка, и запястья схвачены.

Рывок.

Пэй И тихо вскрикнул. Ремень впился в кисти, зафиксировал их. Он смотрел, как мужчина защёлкивает замок — со щелчком, намертво.

Чжан Шаочи расстегнул ему пиджак, провёл ладонью по щеке, поцеловал, оглядел — связанного на сиденье, в своей власти.

— В тот день ты побежал вверх за убийцей, а я видел, как Цзян Хань зашёл в туалет — ну и пошёл следом. Смотрю — а его нет. — Чжан Шаочи нажал рычаг и опустил спинку кресла, прижал к себе пойманного большого кота. — Вот я вчера и отправился разбираться. Нашёл там тайный ход.

Пэй И кивнул. Вот оно что.

Чжан-цзун поднял глаза, ища разрешения, и шепнул, почти касаясь губами ушной раковины:

— Если не хочешь — не трону.

Сволочь...

Зачем спрашивать. Держи меня крепче.

Не спрашивай. Не смей спрашивать.

Пэй И зажмурился. Этот негодяй прекрасно всё знает. Кожа у обоих пылала, каждый выдох скользил по щеке, по шее, тёк по памяти — по промятым белым простыням, залитым лунным светом. Это и была пытка, сваренная из двух зелий: «тоска» и «долгая любовь». Она мучила, тянула — и сквозь боль, сквозь томительный жар нет-нет да и пробивалась крупца сладости. Отрава, которую пьёшь снова и снова.

— Чем расплатишься? Говори.

— Что хочешь — то и бери. Как тебе нравится.

— Скажи мне, что тебе больше всего нравится... Или скажи мне, где я сам больше всего люблю тебя трогать...

Кончики ушей у Пэй И вспыхнули. Он придвинулся к уху мужчины и без голоса, одними губами произнёс несколько слов.

Лет в восемнадцать-девятнадцать он не знал стыда совершенно — шёл на всё, играл дерзко, без тормозов. Теперь — то ли возраст взял своё, то ли долгая разлука, — а только вдруг стало не по себе, стыдно. Потому что любишь человека и скучаешь по нему — и именно поэтому начинаешь думать, каким он тебя видит. Именно поэтому краснеешь. Именно поэтому важно, тянет ли его к тебе так же, как прежде.

Чжан-цзун утробно засмеялся и потянулся к его уху, к шее, к ключице. Потом мощное крепкое бедро с силой раздвинуло ему ноги, и мужчина зубами расстегнул воротник рубашки — пуговицу за пуговицей, сверху вниз, — точь-в-точь как делал когда-то для него. Языком прошёлся по соскам.

Он знал: этот вялый ремень его не держит.

И Пэй И это тоже знал — прекрасно знал, что никакой ремень его не удержит. Но руки за спиной, покорная поза — это было их тайным кодом, негласным уговором двоих, нежной игрой, которую они придумали только для себя, способом баловать друг друга.

Он хотел. Сам хотел — правда ведь? Сам согнулся к нему, по своей воле. Сколько между ними было всего — и что с того? Ты здесь, в моих руках, ты скучал по мне, ты мой... Чжан Шаочи мысленно снова и снова, с отчаянной жадностью, твердил это себе. Они знали друг друга насквозь — каждую привычку, каждое скрытое желание, каждую странность, которую не понял бы никто другой и которую никто другой не умел бы утолить. Именно поэтому ночи без него были такой долгой, изматывающей мукой.

Чжан Шаочи вдруг потерял над собой власть. Уткнулся лицом в белую соблазнительную грудь и издал низкий хриплый звук — почти звериный.

Он жадно целовал и лизал эту грудь, оба набухших от желания соска, дышал неровно, задыхался, звук его дыхания разрывался в ушной гарнитуре — и в реальном воздухе тоже, смешиваясь, налезая один на другой.

Пальцы скользнули вниз по животу, прошлись по пупку — и твёрдые красивые мышцы под его рукой задрожали. Неторопливо, бережнее, чем обычно, он сжал, проникая в самое сокровенное, — и тело в его руках немедленно отозвалось, судорогой прошедшей от бровей до кадыка. Потеря себя. Расплавленность.

Бедро ритмично давило на него между ног. Одна рука наконец скользнула под брюки и стиснула округлый крепкий зад — одно движение, один хват — и Пэй И стиснул зубы, едва не взлетев с сиденья. Упругая плоть дрожала в его ладони; из-под полуприкрытых ресниц выступила влага, он закусил губу, пытаясь не издать ни звука.

Они смотрели друг на друга. Глаза у обоих были влажными, красными от жара. Невыносимо. Невозможно без него. По-настоящему без него.

Вокруг окончательно стемнело. В углу подземного паркинга стояла тишина и прохлада, а окна уже заволокло белым паром — от дыхания, от жара кожи, от невозможности думать...

Потом — урывками — они говорили. Обменивались сведениями. Цзян Хань, похоже, выбрался из тайного хода и зашёл в книжный кабинет. Оконце того кабинета смотрит прямо на... Начальника охраны дворца якобы подкупили — потому убийца и ушёл; первый же допрос — и тот всё выложил. Плюс в отеле в Неаполе Цзян Хань тоже поставил прослушку — вопрос, что именно он успел записать...

Раскалённый мозг булькал под черепом. Всё-таки голова ещё не зажила. Память и реакции явно притупились: мужчина говорил и говорил, а Пэй И не запомнил ни слова.

Его подчинённые запомнят. Встроенный микрофон в ухе пишет весь разговор без пробелов.

Всё до единого слова.

В той машине неподалёку сейчас, наверное, какие лица...

Ребята из А-группы, должно быть, из последних сил сдерживаются — лишь бы не выскочить и не утащить командира. Командир нарушает дисциплину. Грубейшим образом нарушает протокол операции и профессиональную этику.

Да и не разберёшь даже: это он торгует собой в обмен на оперативные сведения — или открыто пользуется бывшим, чтобы унять тоску?

Знает, что это яд. Знает — и всё равно, снова и снова, идёт в огонь. Оба давно перешли черту. Тонут глубже с каждым разом.

— Не... не надо... Чжан-цзун!

В самый последний момент Пэй И наконец выговорил это вслух. Обращение «Чжан-цзун» — как пожарный выключатель, резкий возврат к официальному тону, конец короткой интрижки.

На лице мужчины явно мелькнуло разочарование.

— Ты же хотел, весь горишь... — Чжан Шаочи произнёс это глухо и медленно убрал руку.

Пэй И дёрнул запястьями — ремень соскочил сам собой — и, всё ещё тяжело дыша, молча повернулся и начал застёгивать рубашку, потом пиджак.

Ещё немного — и они бы точно разделись догола.

Ему было восемнадцать, Яньчэн, летняя гроза, ливень. Тогда тоже машина, заднее сиденье — и оба потеряли голову, и оба вместе летели куда-то без тормозов, без страха. Тогда всё было можно...

— Я такой уж есть, — произнёс Пэй И, давая себе волю — небрежно, со щегольской игрой в глазах. — Меня только тронь — и уже горю. Ничего не могу с собой поделать.

— Да? — Чжан Шаочи смотрел холодно — понимал прекрасно, что это отговорка. — С другими тоже так горел?

С другими — нет.

Пэй И смахнул с угла рта след чужих губ и сделал вид, что ничего не было.

Он снова надел безупречную невидимую маску. Тот, кто годами жил в настоящей маске, — давно стал с ней единым целым. Маска и лицо срослись.

— Чжан-цзун, зачем вы меня сюда привезли? И куда я сегодня ночью денусь?

Чжан Шаочи кивком указал на верхние этажи:

— Тут же, в этом отеле-замке. В том самом месте, где ты мне однажды станцевал на коленях. Травма ещё не зажила — никуда не рыпайся. Живёшь наверху. В моём номере.

<http://bllate.org/book/19434/1999014>